

Оригинальная статья / Original article

УДК 502(571.53/.54)(09)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-124-136>

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРИРОДООХРАННОЙ ПОЛИТИКИ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

© И.В. Курышова^a, А.М. Курышов^b

^a Иркутский национальный исследовательский технический университет
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

^b Байкальский государственный университет
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

Аннотация: В статье рассматривается история становления природоохранного законодательства в Байкальском регионе на рубеже XIX–XX вв. в контексте трансформации традиционного хозяйства и глобальных процессов развития капиталистических отношений. Выделяются признаки системы традиционного хозяйства, в том числе комплекс экологических традиций, выявляются предпосылки и особенности государственной регламентации природопользования в регионе. Характеризуется государственная природоохранная политика применительно к традиционному хозяйству коренного населения Байкальского региона по трем направлениям: охрана лесов, регламентация охоты и рыболовства. В работе делаются выводы о том, что под воздействием капитализма система традиционного хозяйства коренного населения Байкальского региона трансформировалась. Трансформация одного из важнейших признаков традиционного хозяйства – экологических традиций, приводит к распространению практики хищнического пользования природными ресурсами. С целью рационализации природопользования государство вмешивается в процессы трансформации традиционного хозяйства через природоохранное законодательство, тем самым оно корректирует эти процессы. В целом природоохранная политика государства в Байкальском регионе представляет собой проявление глокализации в ее российском варианте.

Ключевые слова: история охраны природы, история Сибири, Байкальский регион, традиционное хозяйство, коренное население, природопользование, лесоохрана, регламентация охоты, регламентация рыболовства

Информация о статье: Дата поступления 3 июля 2018 г.; дата принятия к печати 3 августа 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Курышова И.В., Курышов А.М. Эволюция государственной природоохранной политики в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX в. в контексте трансформации традиционного хозяйства. *Известия Лаборатории древних технологий*. 2018;14(4):124–136. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-124-136.

EVOLUTION OF STATE ENVIRONMENTAL POLICY IN THE BAIKAL REGION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL ECONOMY

© Irina V. Kuryshova^a, Andrey M. Kuryshov^b

^a Irkutsk National Research Technical University
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

^b Baikal State University
11 Lenin Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract: The article deals with the history of the formation of environmental legislation in the Baikal region at the turn of the XIX – XX centuries in the context of the transformation of the traditional economy and the global processes of development of capitalist relations. The features of the traditional economy system are highlighted, including a set of ecological traditions, the prerequisites and features of the state regulation of environmental management in the region are identified. The state environmental policy is characterized in relation to the traditional economy of the indigenous population of the Baikal region in three areas: forest protection, regulation of hunting and fishing. The paper concludes that the system of traditional economy of the indigenous population of the Baikal region was transformed under the influence of capitalism. The transformation of one of the most important features of a traditional economy such as ecological traditions leads to the spread of the practice of predatory use of natural resources. In order to rationalize environmental management, the state intervenes in the processes of transformation of traditional economy through environmental legislation, thereby it corrects these processes. In general, the state environmental policy in the Baikal region is a manifestation of itself localization in Russian version.

Keywords: *history of nature protection, history of Siberia, Baikal region, indigenous people, traditional economy, nature management, protection of forests, hunting regulation, fishery regulation*

Article info: Received July 3, 2018; accepted for publication August 3, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Kuryshova I.V., Kuryshov A.M. Evolution of state environmental policy in the Baikal region in the late XIX – early XX centuries in the context of the transformation of the traditional economy. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018;14(4):124–136. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-4-124-136.

В современном мире в условиях стремительного распространения тенденций развития, связанных с понятием «глобализация», экономическая составляющая которой предполагает формирование единого рынка рабочей силы и стандартных товаров и услуг, наличие мировой валюты, международное разделение труда, общедоступность ресурсов и т. д. (со всеми плюсами и минусами этих процессов), в среде исследователей и в обществе в целом возрастает интерес к традиционному хозяйству. Он вполне закономерен и укладывается даже в самую «теорию глобализации», основоположником которой себя позиционирует известный английский социолог Р. Робертсон. Наряду с другими свойствами глобализации он выделяет так называемую «глокализацию», когда наряду с унификацией наблюдается возрождение локальных особенностей. Таким путем конкретные страны или народы «подстраивают» глобальные тенденции под свои вкусы (Robertson, 1992. С. 173). В начале XXI столетия слово «глобализация» у всех на слуху. Процессы глобализации на современном этапе являются центром внимания ученых, представляющих различные науки, но сама по себе глобализация началась не сегодня, ее истоки следует искать в эпохе становления капитализма. Для Сибири это рубеж XIX–XX вв., время, когда традиционное хозяйство коренных сибирских народов, подвергаясь влиянию распространяющихся и

крепнущих капиталистических отношений, начинает трансформироваться. Феномен традиционного хозяйства включает в себя, помимо прочего, и комплекс традиций рационального природопользования. Изменения традиционного хозяйства коренного населения Сибири в конце XIX – начале XX в. проявлялись и в трансформации этого комплекса. Государство, разрабатывая, внедряя и распространяя на коренные сибирские народы природоохранное законодательство, тем самым вторгалось в систему традиционного хозяйства, выступая внешним фактором его эволюции. Роль государства в этом процессе вовсе не состояла во вспомоществовании закреплению глобальных капиталистических тенденций, скорее наоборот, косвенно государство способствовало тому, что традиционное хозяйство (в части экологических традиций) не было совершенно поглощено капиталистической системой, а сумело, приспособившись к ней, сохраниться. Этот факт сам по себе есть интересный пример того, как глобальные процессы могут преломляться на национальной почве. В этой связи обращение к истории государственной природоохранной политики в контексте трансформации традиционного хозяйства, осмысление отечественного опыта совмещения «глобального» и «национального» представляется важной частью процессов «глокализации».

Также изучение вопросов, связанных с историей государственной природоохранной политики, важно с точки зрения актуализации рационального природопользования в современных условиях. Здесь снова происходит столкновение с проблемой глобализации, только с другой ее стороной – возникновением и углублением глобальных проблем. Одна из них – экологическая проблема, которая напрямую связана с рационализацией природопользования. Для современной России одним из главных проявлений экологической проблемы выступает сохранение экосистемы оз. Байкал. С каждым годом становится все больше проектов превращения Байкальского региона в престижную туристическую зону, но темпы их реализации прямо пропорциональны ухудшению экологической ситуации вокруг озера. В ряду прочего, повторяется ситуация рубежа XIX–XX вв. – местное население, в том числе коренное, вносит свой вклад в разграбление природных богатств края. Между тем природоохранная деятельность в Байкальском регионе имеет давнюю историю, следовательно, изучение и использование опыта такой деятельности, накопленного предыдущими поколениями, является насущной необходимостью.

При рассмотрении природоохранной политики государства в контексте трансформации традиционного хозяйства исходим из нескольких методологических посылок.

Во-первых, заметная для конца XIX – начала XX в. активизация российского государства в отношении формирования системы природоохранного законодательства понимается как попытка применения его в качестве инструмента противодействия глобальной тенденции хищнического отношения к природным богатствам, характерного для раннего капитализма. В этом смысле исходим из того, что капитализм и процесс глобализации неразрывно связаны между собой, начало развития капиталистических отношений есть начало процесса глобализации (сначала экономики, а затем и других сфер общественного бытия). Кроме того, на фоне глобализации помимо фактов исчезновения региональной (национальной) специфики наблюдается и обратное – факты сохранения и усиления региональных (национальных) отличий («глокализация»). По

сути «глокализация» демонстрирует неоднозначность глобализации как таковой и возможность формирования региональных (национальных) моделей развития (в противовес глобальной, т. е. капиталистической в западном ее варианте). Помимо этого, если применить теорию И. Валлерстайна, доказывающую «... ошибочность взгляда на мировую историю как единую поступательную траекторию, которую рано или поздно должны пройти все страны» (Дергачев, 2010.С. 117), сама глобализация понимаемая исключительно как «вестернизация» (в первую очередь экономическая) всего остального мира (как, например, у Ф. Фукуямы), что есть ничто иное, как циклическое отклонение в истории капиталистической мир-экономики. Таким образом, усиление государственной регламентации природопользования в условиях развития капиталистических отношений как проявления глобализации путем формирования природоохранного законодательства, затрагивающего, помимо прочего, традиции природопользования коренного населения Сибири, есть составная часть процесса становления специфической российской модели развития.

Во-вторых, под традиционным хозяйством понимается не набор хозяйственных традиций, а самоорганизующаяся система, элементами которой выступают хозяйственные традиции населения, а под системообразующим фактором – способы природопользования. Традиционная хозяйственная деятельность не приспособливает окружающую среду под потребности человека, а сама приспособливается к ней. Главным аргументом при выборе определенного вида экономической активности (т. е. деятельности, направленной на удовлетворение потребностей, всегда связанной с взаимодействием с окружающей средой, из которой и извлекаются необходимые ресурсы) является не выгода, как при капитализме, а сама возможность выжить в природной среде. В конкретных природных условиях формируется оптимальный для определенных условий способ природопользования, т. е. метод изъятия у природы необходимых ресурсов для поддержания жизни. Применительно к коренному населению Байкальского региона – это скотоводство (буряты Забайкалья), охо-

та и оленеводство (эвенки), земледелие (буряты Прибайкалья и русские старожилы). Экономическая деятельность не зависит от общества в целом или отдельных его членов, она объективна, так как обусловлена природной целесообразностью. Отдельные элементы системы традиционного хозяйства (т. е. сами хозяйственные традиции) направлены на «... упорядочение взаимоотношений между обществом и экомиром в процессе обмена веществ между человеком и природой» (Будаева, 1999. С. 18). Кроме того, система традиционного хозяйства характеризуется натуральностью. Когда хозяйственная деятельность поставлена в зависимость от природных условий, обмен не является необходимостью, так как все нужное для жизни производится или добывается внутри хозяйственной системы. Обмен может существовать, но он не является основным способом перераспределения материальных благ, главным средством достижения экономических целей или еще чем-то подобным. Другим существенным признаком системы традиционного хозяйства выступает целеполагание экономической деятельности – это не потребление благ, а удовлетворение насущных потребностей, обеспечение простого воспроизводства. Неотъемлемым признаком традиционного хозяйства является общественный контроль над хозяйственной деятельностью. Этот контроль выражается в общественной собственности на средства производства или общественном пользовании ими, перераспределении материальных благ, регламентации хозяйственной деятельности. Экономическая сфера жизни общества может рассматриваться, как неотъемлемая (зависимая) часть социальных отношений. Наконец, к существенным признакам традиционного хозяйства относятся традиции рационального природопользования (или экологические традиции). Важно понимать, что традиции поддержания экосистемы в традиционных обществах (что обычно трактуется как «бережное отношение к окружающей среде») не имеют ничего общего с иррациональной любовью к природе, они – плод понимания необходимости разумного использования природных ресурсов, поскольку должны обеспечивать еще существование потомков, ведь в традиционном обществе человек не отделен от других

людей, он не является «индивидом», он – часть целого. Цель соблюдения таких традиций в итоге – физическое сохранение рода, семьи, этноса. Все перечисленные признаки системы традиционного хозяйства (наличие комплекса экологических традиций; зависимость способов хозяйственной деятельности от конкретных природных условий; обеспечение минимума благ, необходимых для воспроизводства населения, как цель хозяйственной деятельности; контроль общества над хозяйственной деятельностью при признании приоритета общественных интересов над индивидуальными; натуральный характер хозяйственной деятельности) тесно связаны друг с другом, изменение одного из них влияет на остальные и угрожает существованию системы в целом.

В-третьих, исходя из факта распространения капиталистических отношений в Сибири на рубеже XIX–XX вв., наблюдаем и влияние его на трансформацию традиционного хозяйства коренных народов края. Под такой трансформацией может пониматься либо приспособление традиционного хозяйства к новым социально-экономическим и политическим (а не природным) условиям, в этом случае система модернизируется, но сохраняется, либо его постепенное исчезновение, что неизбежно происходит, если в обществе преодолевается прямая зависимость хозяйственной жизни от природных условий и (или) экономические отношения выходят из-под контроля со стороны социальных институтов, например, общины. В обоих случаях традиционное хозяйство становится частью большей экономической системы (как подсистема, либо как простая совокупность элементов), в которой системообразующее значение имеет уже не способ природопользования. В первом случае традиционное хозяйство сохраняется как подсистема, во втором – ликвидируется. Таким образом, исходя из понимания традиционного хозяйства как системы, необходимо признать, что вмешательство государства в регламентацию природопользования (в том числе путем оформления природоохранного законодательства), т. е. по сути стремление властей повлиять на изменение одного из существенных признаков системы традиционного хозяйства, яв-

ляет собой вмешательство в процессы трансформации этой системы в целом.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению вопроса о становлении природоохранного законодательства в Байкальском регионе, необходимо определить предпосылки этого становления. Для системы традиционного хозяйства они сводятся к наличию у коренного населения (бурят, эвенков, русских старожилов) традиций общественного контроля за природопользованием. Об истоках этого явления (экономический расчет в условиях зависимости от природных условий) говорилось ранее, здесь же нас интересуют проявления такого контроля. Во-первых, некоторые природоохранные традиции коренных народов имели некий сакральный смысл – шаманские обряды покаяния в ущербе, причиненном природе; «священные» места (рощи, холмы и т. п.), где запрещалась любая хозяйственная деятельность (Мельхеев, 1959. С. 110); табу на рубку некоторых пород деревьев или убийство представителей отдельных видов животных (либо же на чрезмерную охотничью добычу), что автоматически ограничивало индивидуальный произвол относительно использования природных ресурсов. Эти традиции как бы подготавливали население к адекватному восприятию впоследствии государственных ограничительных мер. Так, например, некоторые исследователи считают, что «священные» места явились в Байкальском регионе прообразами заказников и заповедников (Зуляр, 2002. С. 286). Во-вторых, поскольку коренное население Байкальского региона жило общинами, экономическая активность отдельных людей была ограничена территорией, подконтрольной конкретной общине, а внутри нее – территорией семьи или рода. Будучи ограниченными таким образом в ресурсах, члены семьи (рода, общины) были вынуждены рационально использовать имеющиеся ресурсы и даже заниматься их восстановлением. Так, эвенкийские охотники старались не убивать маток и не отстреливать птенцов и птиц весной, у бурят и русских крестьян-старожилов имелись общинные ограничения на рубку деревьев в верховьях речек и ручьев и на песчаной почве («заказные» леса) (Зверев, 1986. С. 88). Русские крестьяне даже выбирали «поле-

совщиков» или «лесников» для охраны «заказных» (запретных для хозяйственной деятельности) лесов. Многие русские и бурятские общины принимали собственные решения о запрете промысла копытных по насту (НАРБ¹. Ф. 17. Оп. 1. Д. 328. Л. 1). Среди русских крестьян Забайкалья широкое распространение получило устройство маральных и изюбриных питомников (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 353).

Причины, заставляющие государство вторгаться в систему традиционного хозяйства, регламентируя природопользование, разнообразны, но так или иначе они связаны с теми последствиями распространения в Сибири капиталистических отношений, которые разлагали традиционное хозяйство изнутри, трансформировали экологические традиции. Первая – самовольные вырубки населением казенного леса. Немало этому способствовало распространение с конца XIX в. практики перехода от общего пользования лесом всей деревней к делению лесов, отведенных деревне, на участки по числу платежных душ (само по себе – это уже признак трансформации общинного природопользования). Также увеличение самовольных вырубок было связано с тем, что лесопользование русского старожильского и бурятского населения (эвенков это не коснулось) было резко ограничено тремя десятинами на душу (в 1898 г. для Прибайкалья и в 1902 г. для Забайкалья). Ограничение лесопользования происходило на фоне активизации переселенческой политики. Иными словами, самовольные вырубки (или как говорили в те годы «порубки») стали следствием нехватки лесных ресурсов и выделения индивидуальной хозяйственной деятельности из общественной. С самовольными вырубками (с целью их сокрытия) и другими, часто нелегальными способами хозяйствования (стремление получить сухой горелый лес по сниженной таксе, «осветление» леса вокруг золотых приисков, весенние палы и т. п.), была связана и большая часть лесных пожаров. Вторая причина – снижение поголовья промысловых животных и рыбы. Рыночные отношения, особенно интенсивно развивающиеся в Байкальском регионе с конца XIX в. в связи

¹ Национальный архив Республики Бурятия.

с активной колонизацией края и строительством Транссибирской железнодорожной магистрали, способствовали превращению потребительской охоты в товарный промысел. С одной стороны, развитие промыслов товарного характера способствовало еще большему вовлечению хозяйства Восточной Сибири в экономическую систему России, но с другой – приводило к изменению экологических традиций населения, выводило промыслы из-под общинного контроля. Неконтролируемый промысел с целью продажи добычи неизбежно влек за собой уменьшение популяций промысловых животных. Это в итоге отрицательно отражалось на хозяйстве края в целом, поскольку, несмотря на поступательное развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта, благополучие населения, в особенности коренного, во многом зависело от охоты и рыболовства. Государству, чью не последнюю статью доходов составлял экспорт продукции, получаемой от промысловиков (в частности, пушнины), также был невыгоден неконтролируемый промысел, поскольку он приводил к сокращению доходов промысловиков.

Лесопользование в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. регулировалось Лесным уставом. В соответствии с Лесным уставом 1905 г. на территории Российской империи леса подразделялись на казенные, общественные и частные (Извлечение из Устава Лесного, 1909. С. 514–515). Из-за удаленности Байкальского региона от центра, малочисленности населения, неразвитой инфраструктуры, наличия огромных лесных ресурсов, казавшихся неисчерпаемыми, на него не распространялось большинство норм лесопользования, принятых до конца XIX в., хотя местная администрация не раз обращалась к правительству с предложениями по принятию мер к сбережению лесов региона. В конце концов перспектива сокращения лесных массивов в крае заставляла власти активизировать работу по формированию системы их охраны. Интересно, что инициатива в этом процессе принадлежала именно государственной власти, ведь большая часть лесных ресурсов в крае являлась собственностью государства. Деятельность по регламентации лесных ресурсов свелась, главным образом, к организации лесничеств. Первоначаль-

но лесопользование в регионе находилось в ведении местной исполнительной власти: при иркутском генерал-губернаторе этим занимались вице-инспекторы корпуса лесничих, четыре ревизора лесоустройства и двенадцать кондукторов (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг., 1908. С. 21). В 1896 г. было создано Управление государственных имуществ Енисейской и Иркутской губерний, а с 1897 г. управление лесами взяла на себя Иркутская казенная палата, координирующая деятельность лесничеств, которые начали образовываться в регионе с 1895 г. Лесничества занимались регламентацией пользования государственными лесами, но часто, в силу своих функций, они пересекались с традиционным хозяйством русских крестьян-старожилов и коренного населения. Например, лесничества контролировали лесозаготовки на казенных землях, которые проводились частными лицами и «обществами» (т. е. крестьянскими общинами или «инородческими» ведомствами), для осуществления заготовок был необходим лесорубочный билет (ГАИО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 5. Л. 2). Порядок преследования самовольных вырубок в Байкальском регионе определялся законом от 7 апреля 1897 г. и заключался в том, что после обнаружения нарушения составлялся протокол, на основании которого назначался штраф. Например, только в 1903 г. по Иркутской губернии за самовольные вырубки было взыскано с нарушителей 16 986,22 руб. (ГАИО. Ф. 176. Оп. 6. Д. 54. Л. 25, 43, 60, 79, 93, 116, 143).

Однако основным способом оптимизации лесопользования применительно к традиционному хозяйству являлся государственный контроль за лесными наделами обществ. После начала реформы землеустройства некоторая часть лесов вошла в крестьянские лесные наделы – на душу мужского пола лесной надел составлял три десятины (Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, 1909. С. 60). Определением тех или иных участков в лесной надел занимались лесничества. Они старались закрепить в своем ведении участки наиболее цен-

ных лесных насаждений, ограничивая в лесопользовании местное население, вводили сборы за сенокосение, выпас скота вне наделных земель. Власти старались некоторую часть ответственности за охрану лесных ресурсов возложить на крестьянские общества и инородческие ведомства. Так, в 1905 г. Лесной ревизор Забайкальской области предложил дать право самим обществам и инородческим ведомствам применять штрафные санкции к своим членам за нарушение правил пользования лесными наделами (НАРБ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 33. Л. 28). В том случае, если члены крестьянского общества или инородческого ведомства допускали нарушения Лесного устава, крестьянский начальник либо руководитель ведомства имел право в мировом суде возбудить дело о привлечении их к материальной ответственности. Все штрафы, взысканные с общества, могли быть использованы на нужды лесного хозяйства этого же общества (НАРБ. Ф. 229. Оп. 1. Д. 33. Л. 29). Советские лесные чиновники Забайкальского переселенческого района в 1911 г. признало возможным издание обязательных постановлений, определяющих права и обязанности крестьянского и инородческого населения, и осуществление постоянного контроля лицами с техническим образованием за правильным лесопользованием населения (Забайкальская Новь, 1911. С. 2). Для предупреждения лесных пожаров руководители инородческих ведомств и крестьянских обществ назначались ответственными за выполнение правил проведения весенних палов. Сами палы регламентировались на всей территории края, независимо от статуса земель. Например, принятые в 1897 г. «Правила для предупреждения лесных пожаров в губерниях Иркутской и Енисейской и на 30 верстах расстояния от берегов сплавных рек в Якутской области» запрещали палы с 15 мая по 15 октября (ГАИО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–3). В другое время палы допускались только с соблюдением определенных правил, так же как и разведение костров в лесу (Там же). Тушением пожаров руководил лесничий, а осуществлялось оно силами местного населения. Иркутский генерал-губернатор иногда прибегал к весьма жестким административным мерам (вплоть до ареста) в отношении крестьянских начальников,

которые не могли заставить крестьян участвовать в ликвидации лесных пожаров (Общество Сибирских охотников в г. Иркутске. Отчет о деятельности общества за 1895 г., 1896. С. 11). Нежелание крестьян участвовать в тушении лесных пожаров во многом объясняется безвозмездным характером данных работ. Для охраны крестьянских лесов от пожаров в конце XIX в. учреждаются должности «пожарных старост» и «полесовщиков». Должности эти были выборными (на один год), люди, их занимающие, как правило, пользовались у населения авторитетом. Выбор закреплялся общественным приговором.

Таким образом, государственная власть на рубеже XIX–XX вв. начинает активно усиливать контроль за соблюдением крестьянскими и инородческими обществами мер по охране лесов. Важным результатом взаимодействия лесничеств и местных властей следует признать правовое закрепление ответственности (как административной, так и уголовной) за нарушения правил лесопользования. Однако все это справедливо только для районов, приближенных к крупнейшим городам Байкальского региона (Иркутск, Верхнеудинск, Чита). На остальных огромных пространствах края государство просто не имело возможности практически регламентировать традиционное лесопользование в силу дефицита кадров, отсутствия инфраструктуры, недостаточного финансирования и, зачастую, непрофессионализма лесных чинов. Между тем местное сельское население, уже «зараженное» вирусом рынка и начавшее освобождаться от опеки общины, неохотно шло на сотрудничество с властями, имея горький опыт потери свободного пользования лесными ресурсами. В силу сказанного приходится констатировать, что попытки государства построить в Байкальском регионе систему лесоохраны (безотносительно к ее конечной эффективности) имели два противоречивых следствия. С одной стороны, они объективно сдерживали самоубийственную трансформацию одного из существенных признаков системы традиционного хозяйства – комплекса экологических традиций. Государство, в условиях разложения общины как бы брало на себя бывшую ее функцию по контролю за индивидуальной хозяйственной деятельностью.

С другой стороны, резкое ограничение лесопользования и жесткая фискальная политика настраивали население против, в целом полезных, государственных мероприятий.

Регламентация государством охоты с целью охраны ценных промысловых животных в Байкальском регионе именно на рубеже XIX–XX вв. становится объектом пристального внимания местных и центральных властей, поскольку в этот период охота, полностью переориентированная на удовлетворение потребностей рынка, стала фактором уменьшения популяций многих животных. Между тем, Закон об охоте 1892 г. не распространялся на Сибирь. Это противоречие могло быть разрешено только принятием дополнительных мер. Предпринятые властями действия в отношении регламентации охоты разнообразны, традиционного хозяйства касаются две их группы: меры по ограничению способов охоты и меры по ограничению охоты на определенный срок.

Инициаторами введения ограничительных мер, касающихся охоты, выступали, как правило, местные власти или купцы и промышленники (последних беспокоило, главным образом, сокращение поголовья пушного зверя).

Меры по ограничению способов охоты сводились к запрещению использования орудий охоты или неких охотничьих приемов. В Иркутском генерал-губернаторстве в 1890 г. началась деятельность по пересмотру действующих в регионе правил о звериных промыслах и охоте (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 4). Проект «Правила об охоте и звериных промыслах в Иркутском генерал-губернаторстве» был разработан с учетом местных условий. В начале 1893 г. с прилагаемой к нему объяснительной запиской он поступил в Министерство государственных имуществ. Предлагалось запретить:

– разорение птичьих гнезд с целью использования яиц в пищу, а птичьего пуха – в хозяйственных целях;

– охоту на изюбров и диких коз весной, когда они проваливались на наст;

– выкормочное звероловство, при котором детеныши песцов и лисиц забирались из нор для

выкармливания (РГИА. Ф. 390. Оп. 61. Д. 19236. Л. 9–10).

Предлагалось запретить использование самострелов, капканов, ям и вообще ловушек при охоте на кабаргу, лося, изюбря и других копытных. Нарушение данного положения влекло за собой назначение штрафа. Если нарушитель не мог выплатить штраф, тот мог быть заменен тюремным заключением. Проект так и не был принят как закон. Таким образом, все вопросы регламентации охотничьего промысла ложились на плечи местных властей. Местным представителям Лесного ведомства приходилось брать инициативу в свои руки. Так, например, один из лесничих Ленского лесничества в 1901 г. приказал всем охотникам уничтожить ямы для поимки диких коз (ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 665. Л. 4). Регламентации охоты на копытных животных был посвящен ряд статей в правилах, принятых в 1895 г. («Правила о побочных пользованиях в казенных лесах Иркутской губернии, изъятых из свободного пользования»). Согласно им, запрещалось использовать для охоты на копытных ямы, капканы, петли и охотиться по насту. Однако наказание за нарушение правил было символическим – штраф в размере 3 руб. (Общество Сибирских охотников в г. Иркутске. Отчет о деятельности общества за 1895 г., 1896. С. 11). Уменьшение зверя, наблюдающееся каждый год, продолжающееся истребление всех видов копытных привели к изданию постановления Иркутского генерал-губернатора от 29 марта 1911 г. о воспрещении весенней охоты по насту (ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1905. Л. 6). Согласно данному постановлению, родовые начальники (в «инородческих» ведомствах) и сельские старосты (в крестьянских обществах) должны были каждый год предоставлять в волостные правления и инородные управы информацию о каждом случае охоты по насту, однако общества шли на это неохотно. Лесная стража регулярно выступала против того, чтобы контроль за исполнением постановлений осуществлялся общинными властями, ссылаясь на то, что волостные и инородческие начальники сами нередко участвуют в хищнической охоте (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 274).

Меры по ограничению срока охоты были связаны с тем, что промышленники и местное население

ние (часто зависимое от промышленников, как, например, «бродячие» эвенки, иногда выступавшее по своей инициативе), гонимые жаждой наживы зачастую отходили от веками сложившихся правил, запрещавших охоту в определенные периоды, связанные с размножением животных или воспитанием молодняка. Согласно уже упомянутым правилам 1895 г., охота на лосей, изюбров, диких коз и кабаргу запрещалась с 1 марта по 1 сентября. По так и не принятому проекту «Правила об охоте и звериных промыслах в Иркутском генерал-губернаторстве» охота на изюбрей разрешалась только в течение одного месяца – с 1 июня по 1 июля. В 1902 г. Иркутским военным генерал-губернатором было принято постановление, запрещавшее охоту на всех пушных зверей с 1 марта по 1 сентября в пределах Иркутского генерал-губернаторства (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1970. Л. 294). В 1910 г. охота на белку ограничивалась с 1 октября по 1 февраля (ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1905. Л. 3). В 1911 г. Иркутский генерал-губернатор принял постановление о запрете соболиной охоты в Забайкальской области в период с 1 февраля по 1 октября (Забайкальская Новь, 1911. С. 2). Начиная с 1910 г. члены Ирбитского ярмарочного комитета выступали перед Государственной Думой с инициативой принятия закона о запрете на два года охоты на соболя. Государственная Дума, найдя данный вопрос очень важным, создала в 1911 г. особую комиссию по охоте и обратилась к местным властям с просьбой о сборе информации относительно охоты на соболя. В середине апреля 1912 г на основании отчета Иркутского генерал-губернатора за 1910–1911 гг. Совет министров признал, что необходимо срочно распространить на Сибирь закон об охране соболя. В июне 1912 г. Государственной Думой и Государственным Советом был утвержден закон «Об установлении ограничительных по охоте соболя мер», который запрещал соболиную охоту с 1 февраля 1913 г. по 15 октября 1916 г. (Сибирские вести, 1913. С. 3). По истечении указанного срока охота на соболя воспрещалась ежегодно с 1 февраля по 15 октября. Контроль за исполнением закона возлагался на полицию, лесничих, лесную стражу, местные органы самоуправления (должностных лиц казачьего и инородческо-

го управления, сельских старост, волостных старшин).

В целом мероприятия властей, призванные ограничить охоту, отличаются непоследовательностью и половинчатостью. Так, наряду с упомянутыми мерами по охране отдельных видов животных, поощрялось истребление хищных зверей (медведь, волк, лиса, барсук, хорек, ласка, выдра, норка, горностай, куница, колонок, росомаха, рысь и дикая кошка) и хищных птиц в течение всего года всякими способами, кроме отравы и самострелов. Меры наказания за нарушение существующих правил охоты предусматривались достаточно мягкие, поэтому их введение не влияло существенно на истребление зверя, в особенности пушного. Так, в сезон 1913–1914 гг. добыча соболя в Байкальском регионе достигла таких хищических масштабов, что собрание представителей крупной меховой торговли, проходившее 16 сентября 1915 г. в Москве, предложило продлить срок действия закона «Об установлении ограничительных по охоте соболя мер» еще на 3 года (ГАИО. Ф. 171. Оп. 2. Д. 32. Л. 66).

Итак, меры, предпринимаемые государственной властью в сфере регламентации природопользования посредством установления контроля над охотой на пушного зверя и копытных животных в Байкальском регионе, были весьма разнообразны. Однако единственный принятый закон касался ограничения соболиной охоты, остальные меры предпринимались местными властями.

Все это в полной мере относится и к попыткам государственного ограничения рыбного промысла. В силу географической специфики Байкальского региона (наличие оз. Байкал и полноводных рек) рыболовство для местного населения всегда имело большое значение, но, как и в случае с охотой, распространение в регионе капиталистических отношений приводило к появлению слоя промышленников, ориентированных исключительно на рынок, и ставящих своей целью получение наживы. В том числе под их влиянием новая этика хозяйственной деятельности проникает в систему традиционного хозяйства, подтачивая ее изнутри, трансформируя, в ряду прочего, экологические традиции.

С целью регулирования рыбного промысла были изданы:

– временные «Правила о рыбопромышленности во время рунного хода омулей в реках Верхняя Ангара и Кичера», 1872 г. (ограничивались места и сроки ловли омуля);

– правила 1882 г., упорядочившие рыбопромышленность на Байкале, проект которых был подготовлен в Иркутске комиссией статского советника Д. Большакова (Шахеров, Даниленко, 1991. С. 18);

– правила 1895 г., утвержденные Приамурским генерал-губернатором (Обзор Забайкальской области за 1898 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Забайкальской области, 1899. С. 6);

– «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал, реке Селенге», утвержденные Приамурским генерал-губернатором в 1900 г. (запрещалось использование отдельных способов и орудий лова);

– «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал и рек, впадающих в него, расположенных в пределах Баргузинского уезда Забайкальской области, кроме рек Верхняя Ангара и Кичера», принятые Иркутским генерал-губернатором Селивановым в 1906 г. (запрещался лов рыбы любыми способами во время рунного хода).

В 1908 г. в связи с неудовлетворительной организацией надзора за выполнением ранее принятых правил рыболовства, а также по причине разнобоя в управлении (восточное побережье оз. Байкал – в ведении Приамурского генерал-губернатора, западное – Иркутского), Иркутский генерал-губернатор созвал совещание для выработки проекта правил рыболовства, общих для всего бассейна оз. Байкал (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг., 1908. С. 30–31). Разработанный проект «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал и реках в него впадающих» был утвержден 29 декабря 1908 г. Правила 1908 г. детальнее, чем ранее, регламентировали рыбный промысел, учитывали географические особенности местности, распространялись на всю акваторию оз. Байкал и прилегающую к нему территорию, предполагали более четкую структуру органов надзора за соблюдением

правил. Исключительное пользование рыбными ловлями в соответствии с буквой правил 1908 г. распространялось не далее как на две версты вглубь «священного моря», далее от берега воды находились в свободном пользовании. Во второй главе правил 1908 г. прописывались меры, необходимые для охраны рыбы. Они запрещали лов рыбы сетями в Чивыркуйском заливе и Малом Море, лов во время нереста, лов некоторыми видами неводов, устройство заграждений, препятствующих свободному передвижению рыбы, использование взрывчатых и ядовитых веществ (Сибирская заря, 1909. С. 1).

Правила 1908 г. не были введены в действие, поскольку Государственная Дума усмотрела в них несогласованность с действующим законодательством о рыбопромышленности в Сибири. Помимо этого в Думу был уже внесен проект закона о рыболовстве (Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1908–1909 гг., 1910. С. 32). Основным же камнем преткновения явился установленный правилами особый денежный сбор с рыболовецкого населения за право промысла в пользу так называемого рыбопромыслового капитала. В отличие от депутатов Государственной Думы, Иркутский генерал-губернатор несколько иначе оценивал ситуацию. В 1910 г. он писал Главному управляющему землеустройством и земледелием: «Скорейшее упорядочение рыболовства в Байкале представляется тем более своевременным, что ничтожные результаты улова 1900 г. наглядно показывают истощение рыбного богатства на Байкале и убеждают в необходимости подчинения рыболовства точным правилам» (Шелохова, 1992. С. 31). Это мнение получило сочувствие и поддержку Забайкальского военного губернатора и собрания рыбопромышленников, состоящего из уполномоченных от пяти волостей Забайкальской области (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2291. Л. 3). В результате на основе правил 1908 г. в 1914 г. был составлен законопроект, поступивший на рассмотрение в Государственную Думу. Согласно ст. 38 проекта ответственность за исполнение правил возлагалась, в том числе, на общества. Однако закон так и не был принят.

Таким образом, на территории Байкальского региона в конце XIX – начале XX в. действовало несколько нормативных актов, ограничивающих рыбный промысел, которые, однако, противоречили друг другу. Многие мероприятия оставались «мертвой буквой», некоторые меры по регулированию рыбного промысла остались вовсе нереализованными. Контроль же за выполнением действующих правил был недостаточно эффективным.

В целом попытки местной администрации регламентировать охотничий и рыболовный промыслы, в отличие от регулирования лесопользования, не носили системного характера и не вызвали положительного отклика у местного населения. Экономическое развитие края требовало установления государственного контроля над использованием лесных, животных и рыбных ресурсов, стремительно сокращавшихся по причине уже слабо регулируемого общинными институтами товарного промысла, но силы и средства, выделяемые властями на природоохранную деятельность, не могли сдерживать новых тенденций трансформации хозяйственных традиций под напором капитализма. Важно отметить, что инициативы местных властей Байкальского региона слабо поддерживались властью центральной, прежде всего речь идет о фи-

нансовой поддержке. Это говорит о том, что в Петербурге смотрели на Сибирь как на колонию, сырьевой придаток России. Тем не менее, сама попытка государственной власти взять на себя регулирующие функции (в нашем случае касающиеся природоохранного аспекта), которые ранее выполняла община (или род) на фоне разлагающегося под натиском рыночных отношений традиционного хозяйства, апеллируя к той же общине, – это черта политики российского государства, подчеркивающая его специфику. Своим вмешательством в глобальные процессы становления капитализма, российское государство, вольно или невольно, способствовало сохранению многих черт, присущих экономике традиционного общества (реформа Столыпина в части искусственного развала общины, прямо скажем, не очень удачная, для России скорее исключение, чем правило). Это отнюдь не характеризует Россию как страну «отсталую». Вмешательство государства в экономику вытекает из особенностей исторического развития России, предопределено ее географическими особенностями и обусловлено историческими традициями. В этом смысле она являет собой удачный пример того, что сейчас принято называть «новым регионализмом», противопоставляя его глобализации.

Библиографический список

Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 1999. 192 с.

Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 гг. Иркутск, 1908. 49 с.

Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1908–1909 гг. Иркутск, 1910. 39 с.

Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской Рос-

References

Budaeva Ts.B. *Ekologicheskie traditsii korenogo naseleniya Baikal'skogo regiona (na primere Respubliki Buryatiya)* [Ecological traditions of the indigenous population of the Baikal region (on the example of the Republic of Buryatia)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., 1999, 192 p. (In Russian).

Vsepoddannejsij otchet Irkutskogo general-gubernatora za 1906–1907 gg. [Loyal report of the Irkutsk Governor-General for 1906–1907]. Irkutsk, 1908, 49 p. (In Russian).

Vsepoddannejsij otchet Irkutskogo general-gubernatora za 1908–1909 gg. [Loyal report of the Irkutsk Governor-General for 1908–1909]. Irkutsk, 1910, 39 p. (In Russian).

Vysochajshe utverzhdennoe 23 Maja 1896 g. mnenie Gosudarstvennogo Soveta o glavnyh osnovanijah pozemel'nogo ustrojstva krest'jan i inorodcev, vodvorivshijsja na kazennyh zemljah gubernij Tobol'skoj, Tomskoj, Enisejskoj i Irkutskoj [The highest opinion approved by the State Council on May 23, 1896 on the main grounds for the land-use of peasants and indigenous people settled in the state-owned

сии. СПб.: Переселенческое управление, 1909. С. 59–61.

Дергачев В.А. Геополитическая теория больших многомерных пространств: социально-экономический аспект // *Економічні інновації*. 2010. Вып. 40. С. 111–126.

Извлечение из Устава Лесного // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России. СПб.: Переселенческое управление, 1909. С. 513–532.

Забайкальская Новь. 1911. № 1098. 3 апреля.

Забайкальская Новь. 1911. № 1294. 21 декабря.

Зверев В.А. Экологические аспекты культуры и образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX в.: сб. науч. тр. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 1986. С. 70–91.

Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX в. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2002. 496 с.

Мельхеев М.Н. Охрана заповедных рощ Прибайкалья // Охрана природы Сибири (Материалы Первой Сибирской конференции 1958 года). Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1959. С. 110–111.

Обзор Забайкальской области за 1898 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Забайкальской области. Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1899. 67 с.

Общество Сибирских охотников в г. Иркутске. Отчеты о деятельности общества за 1895 г. Иркутск: Типо-литография К.И. Витковской, 1896. 52 с.

lands of Tobolsk, Tomsk, Yeniseisk and Irkutsk provinces]. *Sbornik zakonov i rasporyazhenij po pereselencheskomu delu i po pozemel'nomu ustrojstvu v gubernijah i oblastjah Aziatskoj Rossii* [Collection of laws and regulations on the resettlement case and land tenure in the provinces and regions of Asian Russia]. Saint Petersburg: Pereselencheskoe upravlenie Publ., 1909, pp. 59–61. (In Russian).

Dergachev V.A. Geopolitical theory of large multidimensional spaces: socio-economic aspect. *Ekonomichni innovacii* [Economic innovations], 2010, iss. 40, pp. 111–126. (In Russian).

Izvlechenie iz Ustava Lesnogo [Extract from the Forestry Charter]. *Sbornik zakonov i rasporyazhenij po pereselencheskomu delu i po pozemel'nomu ustrojstvu v gubernijah i oblastjah Aziatskoj Rossii* [Collection of laws and regulations on the resettlement case and land tenure in the provinces and regions of Asian Russia]. Saint-Petersburg: Pereselencheskoe upravlenie Publ., 1909, pp. 513–532. (In Russian).

Zabajkal'skaja Nov' [Transbaikalian Novelty], 1911, no. 1098, April 3. (In Russian).

Zabajkal'skaja Nov' [Transbaikalian Novelty], 1911, no. 1294, December 21. (In Russian).

Zverev V.A. *Jekologicheskie aspekty kul'tury i obraza zhizni krest'janstva Sibiri jepohi kapitalizma* [Ecological aspects of culture and lifestyle of the peasantry of Siberia in the era of capitalism]. *Razvitie kul'tury sibirskoj derevni v XVII – nachale XX v.* [The development of the culture of the Siberian village in the XVII – early XX century]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 1986, pp. 70–91. (In Russian).

Zuljar Ju.A. *Ocherki istorii prirodnopol'zovanija v Bajkal'skom regione v XX v.* [Essays on the history of nature exploitation in the Baikal region in the XX century]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2002, 496 p. (In Russian).

Mel'heev M.N. *Ohrana zapovednyh roshh Pribajkal'ja* [Protection of preserved forests of the Baikal region]. *Ohrana prirody Sibiri (Materialy Pervoj Sibirskoj konferencii 1958 goda)* [Preservation of nature of Siberia (Materials of the First Siberian Conference of 1958)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1959, pp. 110–111. (In Russian).

Obzor Zabajkal'skoj oblasti za 1898 g. Prilozhenie k Vsepoddannejšemu otchetu vo-ennogo gubernatora Zabajkal'skoj oblasti [Overview of the Trans-Baikal Region for 1898. Appendix to the General Report of the Military Governor of the Trans-Baikal Region]. Chita: Tipografija Zabajkal'skogo oblastnogo pravlenija Publ., 1899, 67 p. (In Russian).

Obshhestvo Sibirskih ohotnikov v g. Irkutske. Otchety o dejatel'nosti obshhestva za 1895 g. [Society of Siberian Hunters in the city of Irkutsk. Reports on the activities of the company for 1895]. Irkutsk: Tipo-litografija K.I. Vitkovskoj Publ., 1896, 52 p. (In Russian).

Сибирская заря. 1909. № 33. 10 февраля.

Сибирские вести. 1913. № 10. 12 января.

Шахеров В.П., Даниленко А.В. Проблемы рационального природопользования в Сибири XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири в XIX – начале XX в.: сб. науч. ст. Иркутск: ИГПУ, 1991. С. 16–22.

Шелохова Н.М. Из истории развития охраны природы Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1992. 56 с.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, SAGE Publ., 1992. 187 p.

Критерии авторства

Курышова И.В., Курышов А.М. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах

Курышова Ирина Васильевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции,
e-mail: kiw09@mail.ru

Курышов Андрей Михайлович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений,
e-mail: akm882@ya.ru

Sibirskaja zarja [Siberian dawn], 1909, no. 33, February 10. (In Russian).

Sibirskie vesti [Siberian news], 1913, no. 10, January 12. (In Russian).

Shaherov V.P., Danilenko A.V. *Problemy racional'nogo prirodopol'zovaniya v Sibiri XIX v.* [Problems of environmental management in Siberia, XIX century]. *Hozjajstvennoe osvoenie Sibiri v XIX – nachale XX v.* [Economic development of Siberia in the XIX – early XX century]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University Publ., 1991, pp. 16–22. (In Russian).

Shelohova N.M. *Iz istorii razvitija ohrany prirody Vostochnoj Sibiri* [From the history of the development of nature conservation in Eastern Siberia]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 1992, 56 p. (In Russian).

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, SAGE Publ., 1992, 187 p.

Attribution criteria

Kuryshova I.V., Kuryshov A.M. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Information about the authors

Irina V. Kuryshova,

Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
e-mail: kiw09@mail.ru

Andrey M. Kuryshov,

Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and International Relations,
e-mail: akm882@ya.ru